

Глава 18. В доме семьи Вэнь огонь разгорелся в полную силу. Долги по расписке следует возвращать

Ли Цяочжэнь никак не ожидала, что Янь Фэнъянь вдруг встанет на сторону Вэнь Си. Натянуто улыбнувшись, она сказала:

— Господин сюцай Янь, вы слишком мало времени с ним прожили, потому и не знаете, какой он на самом деле. Этот ребёнок с детства умел только морочить людям голову. Если я, как мать, не буду держать его в узде, он непременно сядет нам на шею и начнёт всеми помыкать.

Лицо Янь Фэнъяня похолодело.

— Какой человек Си, я способен увидеть собственными глазами. Раньше, пока он был гером в вашем доме, вы, как старшие, могли говорить о нём что угодно! Мне, постороннему, действительно не подобало вмешиваться. Но теперь он принадлежит нашей семье, и нет такой причины, по которой я стал бы молча смотреть, как его унижают. К слову, порядки в вашей семье Вэнь и впрямь вызывают удивление. Мало того что младшего гера вы используете как раба, так ещё и старшего воспитали совершенно не знающим приличий. Вчера он преградил мне дорогу и говорил совершенно неподобающие вещи! Я тогда стерпел и не стал с ним спорить. Но сегодня Си привёл меня в родительский дом, а он, ещё не вышедший замуж гер, вместо того чтобы вести себя скромнее, разоделся так вызывающе. Что скажут люди, если об этом узнают? Вы — родня Си, и мне не следовало бы говорить столь резко. Но я всё-таки человек учёный. Если вы сами не знаете ни стыда ни меры, то я ещё дорожу своей честью.

Никто не ожидал, что книжник способен так беспощадно пристыдить человека. Лицо Ли Цяочжэнь то краснело, то белело. Губы её дрожали, но после долгого молчания она смогла выдать лишь:

— Как ты можешь так разговаривать со своими тестем и тещей?

Когда возразить нечего, остаётся лишь придирается к чужим словам.

Лицо Вэнь Шишаня тоже побагровело от ярости.

— Какая неслыханная дерзость!

Янь Фэнъянь холодно усмехнулся.

— Мне, похоже, придётся быть дерзким до конца благодаря вам. Если не сказать всё прямо, вы, похоже, и дальше будете считать меня бесхребетным человеком, которого можно безнаказанно притеснять. Иметь немного хитрости — не беда. Но не стоит принимать остальных за дураков.

Он перевёл взгляд на растерявшегося Вэнь Лю.

— Когда со мной случилось несчастье, ты первым делом поспешил отказаться от помолвки. Более того, ты силой заставил выйти замуж своего брата за меня вместо себя. А теперь, увидев, что я выздоровел, снова липнешь ко мне. Думаешь, я не понимаю, что ты задумал?

Полдня ожиданий и всё закончилось таким позором...

Вэнь Лю одновременно охватили паника и злость. Он поспешил вперёд, схватил Янь Фэнъяня за рукав и торопливо заговорил:

— Братец Ань, прошу, выслушай меня! Всё совсем не так! Правда, не так... Это всё мои родители! Во всём виноваты они...

Янь Фэнъянь стряхнул его руку.

— Если отец не воспитывает детей, то это вина отца. Родители не научили тебя честно жить, а лишь поощряли пользоваться своей внешностью, искать богатых покровителей и извлекать выгоду из других. Таким тебя сделали именно они. Но тебе тоже незачем торопиться уверять меня в своей преданности. Всё осталось в прошлом. Отныне я признаю своим фуланом только Вэнь Си. Между нами больше нет ни малейшей привязанности.

Вэнь Лю сорвался на крик:

— Как ты можешь так говорить обо мне?!

Перед всей семьёй он безжалостно сорвал с них маску достоинства и втоптал её в грязь. Вэнь Шишаня так переполняла ярость, что у него заболела грудь. Будь перед ним кто-нибудь другой, он уже давно отвесил бы тому звонкую пощёчину.

Но Вэнь Си, на котором он привык вымещать злость, теперь стоял под защитой Янь Фэнъяня. Поэтому Вэнь Шишань смог лишь заорать на Ли Цяочжэнь:

— Ты что, совсем одурела?! Живо спрячь это позорище в комнату!

С мрачным лицом Ли Цяочжэнь подошла и оттащила Вэнь Лю подальше.

Тот дрожал всем телом. Все его надежды и расчёты рассыпались в прах. Унижение, которому подверг его Янь Фэнъянь, породило в его сердце ещё большую ненависть. Ему хотелось сорвать с головы нефритовую шпильку и заколоть ею Янь Фэнъяня насмерть.

К счастью, остатки разума он всё же не потерял... он лишь яростно проклинал всех про себя.

Однако Янь Фэнъянь пришёл сюда вовсе не для того, чтобы препираться.

Он достал из-за пазухи лист бумаги, положил его на каменный стол и спокойно произнёс:

— С пустыми разговорами покончено. Теперь перейдём к делу. Это долговая расписка, которую Вэнь Лю написал, когда занял у меня деньги. Прошло уже столько времени. Не пора ли вашей семье вернуть долг?

До этого Вэнь Шишань был всего лишь зол из-за потерянного лица. Но, увидев расписку, он по-настоящему запаниковал.

— Какая ещё расписка? Почему я ничего о ней не знаю? Неужели ты пришёл выманить у нас деньги?

Янь Фэнъянь холодно усмехнулся.

— Взгляните сами.

Дрожащими руками Вэнь Шишань поднял расписку. Внизу действительно стояло имя Вэнь Лю, а рядом красовался его отпечаток пальца.

Он недоверчиво посмотрел на сына и яростно спросил:

— Когда ты успел занять у него серебро? Почему я ничего не знал?

Вэнь Лю уже почти забыл об этой истории. Лишь увидев расписку, он всё вспомнил.

В марте этого года один из товарищей по учёбе в уездном городе пригласил его на весенний приём. Его устраивал гер семьи господина Лю, и там должны были собраться многие учёные, а также сыновья и геры богатых семейств.

В то время Вэнь Лю ещё не был помолвлен с Янь Фэнъянем, однако между ними уже зародились чувства. Вэнь Лю прекрасно понимал, что собой представляют эти богатые господские сынки, и вовсе не собирался искать себе другого жениха среди них.

Но для деревенского гера подобное приглашение было редкой удачей. Ведь можно расширить кругозор и обзавестись полезными знакомствами, что уж говорить про поиски хорошего мужа.

Его отец оказался слишком скуп. Хотя Вэнь Лю подробно объяснил ему, какую пользу может принести эта поездка, тот согласился выделить всего один лян серебра на одежду и украшения.

Много это или мало — зависело от того, с кем сравнивать. Для обычной деревенской семьи один лян был немалой суммой. Но рядом с юным гером семьи Лю и остальными богачами, этих денег, пожалуй, не хватило бы даже на покупку тряпки для уборки в их доме.

А Вэнь Лю мечтал нарядиться как следует, эффектно появиться на приёме и с первого взгляда поразить всех своим великолепием, подчеркнув собственное благородство.

На такую сумму приобрести всё желаемое было невозможно.

В конце концов, не найдя другого выхода, он обратился к Янь Фэнъяню, пожаловался на своё положение и попросил его помочь.

Услышав его просьбу, Янь Фэнъянь вернулся домой и, неизвестно каким способом, уже на следующий день принёс ему десять лянов серебра.

Эти десять лянов избавили Вэнь Лю от насущной проблемы. Увидев, насколько щедр оказался Янь Фэнъянь, он окончательно решил выйти за него замуж. Чтобы ещё сильнее завоевать его расположение, Вэнь Лю даже по собственной инициативе написал долговую расписку, пообещав, что, как только у него появятся деньги, он непременно всё вернёт.

Звучало это красиво, но на самом деле Вэнь Лю вовсе не собирался расплачиваться. Для гера, не умеющего самостоятельно зарабатывать, десять лянов были огромной суммой. Он полностью жил за счёт родителей — где ему было взять столько серебра?

Будь он в отношениях с Янь Фэнъянем, даже имея на руках расписку, тот никогда не стал бы требовать долг обратно. Вэнь Лю уже давно считал Янь Фэнъяня своим будущим мужем. Раз уж они всё равно поженятся, какая разница, чьи это деньги — его или Янь Фэнъяня? Поэтому он никогда всерьёз не воспринимал эту расписку.

Кто бы мог подумать, что документ, о котором он давно забыл, однажды окажется прямо перед глазами его родителей.

Руки Вэнь Лю задрожали.

— Но... ты ведь сам говорил, что возвращать эти деньги не нужно, — срывающимся голосом произнёс он.

Эта самоуверенная интонация мгновенно разожгла в душе Янь Фэнъяня гнев.

И правда, пока это не твоя семья, чужого труда не жалко.

Отец и братья надрывались, чтобы прокормить всю семью. Мать и невестки, желая дать ему возможность учиться, экономили каждую медную монету. А человек, занявший его тело, разбрасывался честно заработанным серебром так, будто это были обычные камни. Мало того что сам жил в своё удовольствие, так ещё и позволял посторонним тратить деньги семьи Янь.

Если бы тот сам зарабатывал и по собственной воле тратил деньги на какого-нибудь гера, сегодняшний Янь Фэнъянь ни за что не стал бы поднимать вопрос о расписке. Но это серебро было выманено у его родителей. Почему он не имеет права потребовать его обратно?

— Что значит «не нужно возвращать»? Всё чёрным по белому написано в расписке. Или ты теперь собираешься отказаться от своих слов?

Ли Цяочжэнь, охваченная тревогой, всё ещё не теряла надежды.

— Ты и правда занял у него серебро?

Не ожидавший такой беспощадности от Янь Фэнъяня, Вэнь Лю от ярости почти сорвался на крик:

— Да, занял! И что с того? Ты ещё называешь себя учёным, а у тебя в голове только деньги! Открыл рот и сразу про серебро своё заговорил. Сам отдал, а теперь пришёл забирать обратно. Какой же ты после этого мужчина? Ты говоришь, что у нашей семьи дурные нравы. А разве в вашей семье всё так прекрасно? Думаешь, если ты сючай, то тебе всё дозволено? По какому праву ты явился в наш дом и издеваешься над людьми?

Он тяжело дышал. Если бы Ли Цяочжэнь крепко не удерживала сына, его дрожащий палец уже ткнулся бы Янь Фэнъяню прямо в лицо.

Стоявший рядом с мрачным лицом Вэнь Шишань всё ещё пытался переварить новость о десяти лянах серебра, но тоже вмешался:

— Мало тебе того, что ты забрал нашего младшего гера прислуживать себе, так теперь ещё и старшего обижаешь! Столько времени морочил ему голову, столько преимуществ получил благодаря ему, а теперь ещё хватает наглости требовать деньги обратно! Ну и бессовестный же ты!

Чувствуя себя хозяином собственного двора, где никто посторонний ничего не услышит, Вэнь Шишань не стеснялся в самых грязных ругательствах.

Ли Цяочжэнь тоже принялась выгонять их:

— Наш дом слишком мал для такого важного господина! Убирайтесь отсюда немедленно!

В ответ на крики и обвинения всей семьи, Янь Фэнъянь лишь спокойно поднялся и неторопливо поправил одежду.

— Потому я и говорю: если верхняя балка кривая, то и нижние будут кривыми. Старший гер

ведёт себя неподобающим образом, а его отец мыслит столь же грязно. Пока мы с Вэнь Лю были вместе, между нами всё происходило в рамках приличий. Мы никогда не переступали дозволенной черты. Я, Янь Фэнъянь, живу честно и прямо. Моё имя и моя честь не запятнаются лишь потому, что вы бросили несколько грязных слов.

Вэнь Лю прекрасно понимал: то, что легко достаётся, перестают ценить. Поэтому, встречаясь с Янь Фэнъянем, он всегда сохранял сдержанность и ни разу не позволил отношениям перейти границу дозволенного. Хотя человек, занимавший тело Янь Фэнъяня, и питал некоторые мысли на этот счёт, но из-за отказа второй стороны и ограничений той эпохи так и не решился на что-либо недопустимое.

Несмотря на то что они считались женихом и невестой, их отношения оставались удивительно целомудренными.

И к счастью, иначе Янь Фэнъянь чувствовал бы сейчас ещё большее отвращение.

Вэнь Лю насмешливо фыркнул:

— Какая благородная речь! Ты только притворяешься порядочным человеком. Что у тебя вообще может быть за честь? Всё происходило по взаимному согласию. Неужели ты думаешь, что заключал со мной торговую сделку? За всю жизнь я ещё не встречал мужчины настолько скупого, как ты. Ты ради показной щедрости сам и отдал мне деньги, а теперь пришёл их требовать назад. Тебе самому не смешно?

Вэнь Си, который всё это время молча слушал перепалку, сначала испытывал страх, потом потрясение, а затем постепенно оцепенел. Услышав, как Вэнь Лю пытается оправдаться, он почувствовал лишь отвращение.

Не желая, чтобы Янь Фэнъянь один противостоял сразу троим, он, стоя позади, крепче сжал край его одежды и, глядя на людей, которые когда-то внушали ему безграничный ужас, тихо произнёс:

— Если занял, то верни. Что же тут смешного?

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/18440/1878487>